

На улице Садовой в Санкт-Петербурге, прижавшись к чьим-то огромным сапогам, чутко спит небольшая собачка «испанской породы». Это ждет своего хозяина спасенная когда-то из воды Муму. И вряд ли, увидев ее, вы так уж сильно удивитесь – ведь каких только интересных скульптур и памятников нет в нашей северной столице. Есть памятник этому знаменитому литературному персонажу и в Москве. Более того, дом на Остоженке, в котором ныне располагается музей И. С. Тургенева, иногда называют просто – «Дом Муму». Здесь, во дворе, вы можете увидеть фигурку собачки (автор скульптуры – Мария Казанцева), быть может, на том самом месте, где однажды, после ночных сторожевых бдений, примостился и реальный прототип героини рассказа... Повесть Тургенева, знакомая со школьных лет, – что нового может она рассказать нам сегодня? Слово – сотрудникам Дома-музея И. С. Тургенева на Остоженке.

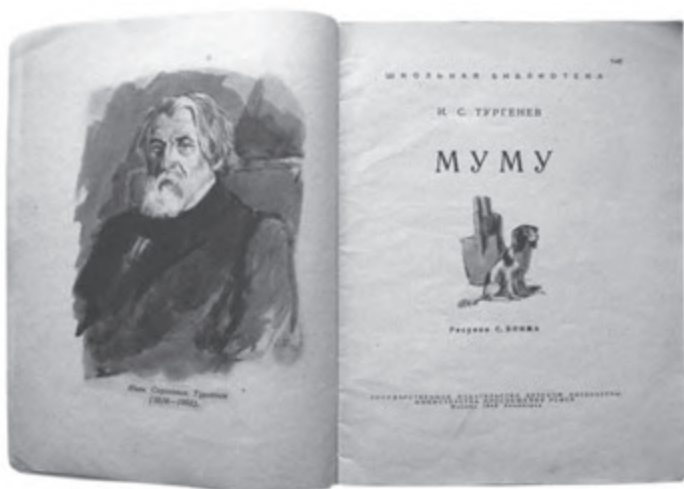
НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Елена Полянская, Елена Михайлова

«Муму» И. С. Тургенева – неизвестное об известном

В 2024 году исполняется 170 лет со дня публикации одного из самых известных тургеневских произведений – повести «Муму». Повесть Тургенев создавал, находясь под арестом на съезжей. За что он был доставлен туда? Как считал сам писатель, за готовившиеся тогда к печати «Записки охотника», проникнутые антикрепостническим духом и оказавшиеся под пристальным вниманием властей. Поводом же послужила публикация в «Московских ведомостях» некролога на смерть Н. В. Гоголя, запрещенного С.-Петербургским цензурным комитетом. «Письмо из Петербурга» – так назвал Тургенев свою статью о Гоголе. Какую, казалось бы, политическую опасность мог представлять для власти Гоголь, глубоко религиозный писатель, стремившийся, по словам С. Т. Аксакова, «к улучшению в себе духовного человека»? Тем не менее имя Гоголя оказалось под запре-

том. Потому дворянин Иван Тургенев, посмеявшийся опубликовать некролог на смерть «великого человека», автора «Ревизора» и «Мертвых душ», был приговорен к довольно суровому наказанию в виде постоянного проживания под надзором полиции в своем родовом имении Спасское-Лутовиново... А перед высылкой, находясь на съезжей в апреле-мае 1852 года, Тургенев написал повесть «Муму», которая спустя два года попадет на страницы журнала «Современник». Видимо, находясь в вынужденном заточении, где совсем рядом слышались крики подвергавшихся наказаниям крестьян, Тургенев предавался воспоминаниям о своей жизни в Москве, в доме у матери на Остоженке, о быте и нравах его обитателей. Именно эта московская усадьба – «серый дом с белыми колоннами» – стала местом действия повести.

Этой «небольшой вещи», написанной под арестом, Тургенев был доволен, хотя и не был вполне уверен, что ее пропустит цензура. Еще до появления в печати повесть вызвала большой интерес, Тургенев и сам читал рукопись, и получал просьбы от многочисленных знакомых прислать ее. Это произведение воспринималось современниками по-разному, но не оставляло никого равнодушным. Родственница писателя О.А. Тургенева после чтения «Муму» писала в своем дневнике: «Весь следующий день я была под впечатлением этого бесхитростного рассказа. А сколько в нем глубины, какая чуткость, какое понимание душевных переживаний. Я никогда ничего подобного не встречала...»

Лестный отзыв получил Тургенев и от семьи Аксаковых. Впрочем, суждения славянофилов братьев Ивана и Константина Аксаковых были несколько односторонними. О Герасиме Иван Аксаков писал: «Это олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости... его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений... Он, разумеется, со временем заговорит, но теперь может казаться и глухим, и немым...». Поэтизируя русский народ, Аксаковы не захотели заметить критики крепостнического строя. Иное впечатление выразил от чтения «Муму» А.И. Герцен: «Он [Тургенев] описал нам существование этого русского "дяди Тома" с таким

*Музей И. С. Тургенева
на Остоженке*

художественным мастерством, которое, устояв перед двойною цензурой, заставляет нас содрогаться от ярости при виде этого тяжкого, нечеловеческого страдания...»

Тургенев мастерски рисует картину жизни и быта Москвы середины XIX века, погружая читателя в атмосферу небольшой городской усадьбы, с ее размеренным укладом, многочисленной дворней и капризной барыней. Особую остроту в восприятии повести придает реальность описываемых событий. В. Н. Житова, воспитанница Варвары Петровны Тургеневой, писала в своих воспоминаниях: «Весь рассказ Ивана Сергеевича Тургенева об этих двух несчастных существах не есть вымысел». С первых строк произведения читатель узнает знаменитый «серый дом с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом», где ныне и располагается музей, а в капризной барыне прослеживаются некоторые черты матери писателя. Благодаря Житовой известно, что в этом доме действительно служил в дворниках глухонемой богатырь по имени Андрей, по прозвищу Немой, который и стал прототипом Герасима. Но, в отличие от книжного героя, ушедшего в деревню после гибели Муму, Андрей не покинул остоженский дом Варвары Петровны – он продолжал исправно служить своей барыне. «Он ей даже простил смерть своей Муму!» – восклицает Житова.

Другие герои повести также имеют своих прототипов – сведения о них содержатся в исповедных ведомостях церкви Успения Пресвятой Богородицы что на Остоженке, в письмах и личных бумагах самой Варвары Петровны, упоминаются в мемуарах современников. Интересно сравнить тургеневских персонажей с реальными людьми, жившими на Остоженке.

Так, Герасим у Тургенева «одет <...> был всегда прекрасно, и кроме красных кумачных рубашек никаких не носил и не любил». А как был одет дворник Андрей у Варвары Петровны? Среди бумаг хозяйки был документ (он сохранился) под названием «Сундук при гардеробе госпожи». В этой описи значится: «Шнурку черного 20 аршин выдано дворнику Немому на отделку красной рубашки». В. Н. Житова тоже вспоминала о том, что Немой всегда носил только красные рубашки, которые ему дарила барыня. Кто-то однажды вздумал на Пасху подарить ему отрез голубого ситцу, так Немой не принял подарка, показав жестом на свою красную рубаху: мол, эта от барыни и другого ему не надо. Узнав о такой верности своего богатыря-дворника, Варвара Петровна одарила его за это «красненькой» (10 рублей ассигнациями) и даже допустила поцеловать у нее ручку (из воспоминаний Житовой).

Запоминающийся персонаж повести – башмачник Капитон Климов, горький пьяница, тоже был списан Тургеневым с реального дворового его матери, Капитона Иванова. О нем Варвара Петровна писала в «Книге для записывания неисправностей моих людей, за что будет им вычитаться из жалованья, за исправное же поведение будет награждение»: «Капитон

*Памятник Муму во дворе музея.
Скульптор Мария Казанцева*

вчера явился ко мне, от него так несет вином, невозможно говорить и приказывать — я промолчала, скучно все то же повторять. Нынче Капитон хотел променить мою серую лошадь. Уверяет, что ей семь лет, которую он привел, а она совсем старая, и шестьсот рублей — я говорю, он оправдывается, глуп, и плут, и вор, довел меня до того, что я его побила по морде, но себе вреда более сделала, чем ему!»

Исповедные ведомости церкви Успения на Остоженке также содержат сведения о дворовых Варвары Петровны, встречающихся нам на страницах повести «Муму»: Капитон, Гаврила, их жены и дети — по этим спискам можно легко представить себе штат прислуги типичной московской усадьбы. О дворцеком Гавриле есть упоминание в одном из писем Варвары Петровны к сыну Ивану, когда она арендовала остоженский особняк и с нетерпением ждала своего любимца из Германии. Перечисляя все помещения своего нового дома, Варвара Петровна упоминает «Гаврилин уголок на хоры в залу» — то есть дворецкий Гаврила, «начальствующее над дворней лицо», имел в хозяйских покоях даже свой «уголок».

В одной из исповедных ведомостей есть запись о «дворовой женке» Параскеве Ивановой 56 лет, экономке Варвары Петровны, которая, по воспоминаниям домочадцев, «стояла во главе женской тайной полиции». «Президент» Прасковья Ивановна — так называла ее Варвара Петровна — один из возможных образов Любовь Любимовны, старшей компаньонки барыни, «с которой [Гаврила] вместе крал и учитывал чай, сахар и прочую бакалею».

В образе «старого буфетчика по прозвищу дядя Хвост» Тургенев вывел пожилого буфетчика матери Антона Григорьевича, «человека замечательной трусости». Среди домашней челяди Варвары Петровны был крепостной доктор Порфирий Тимофеевич Кудряшов. По словам В. Н. Житовой, «во всех трудных минутах жизни, при всех настоящих

и напускных припадках и болезнях своей барыни Порфирий Тимофеевич являлся с своими неизменными лавровишневыми каплями и неизменными словами: «Извольте, сударыня, успокоиться». В повести мы узнаем его под именем Харитона: «Этот лекарь, которого все искусство состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами, умел деликатно брать за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, остальное время все вздыхал да беспрестанно потчевал барыню лавровишневыми каплями».

Неудивительно, что к повести «Муму» в Доме-музее И. С. Тургенева особое отношение. Этот дом, ставший настоящей литературной легендой Москвы, привлекает пристальное внимание посетителей, а наиболее частые гости музея — дети. Возможность вести рассказ о творчестве Тургенева в этом историческом уголке Москвы, в той самой усадьбе, в непосредственной близости от Крымского брода — уникальна. Здесь все проникнуто духом давно ушедшей эпохи, и наиболее зримо представляются тургеневские персонажи, их чувства, чаяния, надежды и поступки. Сохранившийся флигель дворни и господский дом, где разыгрывалась драма героев «Муму», позволяют перенестись в воссозданный художником мир московской усадьбы позапрошлого столетия, что неизменно вызывает у людей ощущение подлинности происходящего, обостренное чувство причастности к событиям далекого прошлого, подводя к разгадке этого выдающегося произведения.

*Елена Валерьевна Полянская,
заведующая отделом Государственного
музея А. С. Пушкина «Дом-музей
И. С. Тургенева».*

*Елена Владиславовна Михайлова,
методист «Дома-музея
И. С. Тургенева».*